

Ксана Бланк

Как сделан «Нос»

Стилистический и критический
комментарий к повести
Н. В. Гоголя

Современная западная русистика

Ксана Бланк
Как сделан «Нос».
Стилистический и
критический комментарий
к повести Н. В. Гоголя
Серия ««Современная
западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68458351
Как сделан «Нос»: Стилистический и критический комментарий
к повести Н. В. Гоголя / Ксана Бланк ; [пер. с англ. А. Волкова].:
БиблиоРоссика; Бостон / Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-6046148-3-9

Аннотация

В этой книге повесть «Нос» предстает с неожиданной стороны. Ксана Бланк анализирует многочисленные примеры языковой игры Гоголя, в первую очередь деформации идиом и актуализации их буквальных значений, и проводит параллель между «разрушением целостности человеческого тела»

и нарушением целостности фразеологических значений. Это позволяет автору рассматривать языковую игру как двигатель сюжета повести, а русский язык – как ее героя. В книге также представлен обзор интерпретаций повести с момента ее выхода до наших дней и показана ее связь с эпохой модернизма – творчеством Шостаковича, Хармса, Кафки и Дали.

Книга предназначена не только для филологов, но и для всех интересующихся творчеством Н. В. Гоголя и классической русской литературой в целом.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

«The Nose»	5
Предисловие к русскому изданию	7
Часть первая	12
Николай Гоголь	12
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ксана Бланк
Как сделан «Нос».
Стилистический и
критический комментарий
к повести Н. В. Гоголя

«The Nose»

Ksana Blank

«The Nose»

A Styllistic and Critical Companion to Nikolai Gogol's Story

Academic Studies Press

2021

Перевод с английского Александра Волкова

При оформлении обложки использован фрагмент иллюстрации Геннадия Спирина к повести «Нос».

© 1993 by Esslinger in Thienemann-Esslinger Verlag GmbH, Stuttgart.

© Ksana Blank, текст, 2021

© А. В. Волков, перевод с английского, 2021

© Academic Studies Press, 2021

© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2021

Предисловие к русскому изданию

О художественном языке Гоголя написано великое множество книг и статей, однако среди них нет исследований, целиком посвященных анализу стиля повести «Нос»¹. Возможно, это связано с тем, что «Нос» стоит особняком среди других сочинений Гоголя. По языку эта повесть сильно отличается от украинских повестей и поэмы «Мертвые души». В ней нет архаической книжной лексики, гипербол и причудливых метафор. В ней не найти лирических отступлений.

Не похож «Нос» и на «петербургские повести» Гоголя. Например, в отличие от «Шинели», с ее знаменитой фразой «Оставьте меня. Зачем вы меня обижаете?», здесь отсутствуют сентиментально-драматические интонации. По сравнению с «Записками сумасшедшего» здесь мало канцеляризмов. Не характерны для стиля «Носа» и пространные, полные экзальтации описания, как в «Невском проспекте» с его экспрессивной концовкой «Он лжет во всякое время, этот Невский проспект...» Словом, вопрос о том, в чем состоят стилистические и лексические особенности этой повести, остается открытым.

Цель комментариев к «Носу», составляющих первую

¹ Среди самых заметных исследований художественного языка и стиля Гоголя – работы В. В. Виноградова (см. библиографию к этой книге), а также [Мандельштам 1902], [Белый 1934], [Эйхенбаум 19246].

часть этой книги, – показать, что оригинальность его художественного языка в значительной мере основана на игре с идиомами, в частности, на буквализации идиоматических выражений (употреблении идиом в прямом, а не переносном смысле). В первую очередь это игра с фразеологизмом «остаться с носом» («потерпеть неудачу, оказаться одураченным», *МАС; СРФ*). Эта идиома определяет центральное событие сюжета: Ковалев остается *без* носа. Следует подчеркнуть, однако, что комментарии не ставят себе цели выявить многочисленные идиоматические выражения со словом «нос»: их наличие неоднократно отмечалось исследователями [Виноградов, 1976:14; Набоков 1996: 33; Пильщиков 2019: 227–228]. Задача здесь иная: показать десятки других примеров актуализации буквального значения различных идиом, разрушения структуры устойчивых выражений и прочих видов словесной игры, с помощью которой Гоголь создает комический эффект и ощущение абсурдности происходящего. Гоголевские описания повседневной петербургской жизни, понятные современникам писателя, но не всегда очевидные для сегодняшнего читателя, также требуют пояснений. Для удобства пользования комментариями в начале книги помещен полный текст повести.

Раздел «Как сделан “Нос”»: языковая игра как двигатель сюжета» основан на предпосылке, что главным героем в повести выступает русский язык. В нем определяются роль и функция повествовательной манеры Гоголя и делается вы-

вод о том, что гоголевская игра с фразеологизмами в «Носе» создает своего рода сказ – тип повествования, в котором речевая манера рассказчика отличается от стиля автора. Иначе говоря, развитие сюжета в «Носе» задается мастерской языковой игрой рассказчика с читателем.

Вторая часть книги посвящена основным интерпретациям повести. В 1859 году поэт и литературный критик А. А. Григорьев предостерегал, что не следует слишком усердствовать в поиске трактовок «Носа»: «Этот юмор достигает крайних пределов своих в „Носе“, оригинальнейшем и причудливейшем из произведений, где все фантастично и вместе с тем все – в высшей степени поэтическая правда, где все понятно без толкования и где всякое толкование убило бы поэзию...» [Григорьев 1967: 194]. В последующие сорок лет о Гоголе писали мало, но на исходе XIX века его сочинения, включая «Нос», стали предметом пристального внимания писателей и критиков. В статье «Гоголь» (1909) Андрей Белый отмечал: «Я не знаю, кто Гоголь: реалист, символист, романтик или классик... Гоголь – гений, к которому вовсе не подойдешь со школьным определением; я имею склонность к символизму; следственно, мне легче видеть черты символизма Гоголя; романтик увидит в нем романтика; реалист – реалиста» [Белый 2008: 268–269].

На протяжении XX века повесть «Нос» побуждала литературоведов, принадлежащих к разным школам, отыскивать самые разные мотивировки исчезновения носа с лица майо-

ра Ковалева. За последние сто восемьдесят пять лет повесть пытались истолковать с разнообразных точек зрения; в ней видели невинную шутку и едкую сатиру на общество, мистическое прозрение автора и свидетельство его антиклерикальных взглядов, выражение страха перед кастрацией и полную бессмыслицу.

Во второй части книги представлен обзор этих точек зрения и толкований, подчас противоположных, но не взаимоисключающих. Вопреки опасениям А. А. Григорьева, интерпретации, предложенные современниками Гоголя, идеи, выдвинутые исследователями в XX веке, и новейшие работы, опубликованные как в России, так и на Западе, мирно сосуществуют друг с другом и не убивают поэтическую правду этой уникальной повести. Напротив, они свидетельствуют о ее многогранности.

Я очень признательна Александру Волкову (Пушкинский дом – ИРЛИ РАН) за прекрасно выполненный перевод с английского, а Ольге Бараш за замечательную редактуру и ценные советы. Также я хотела бы поблагодарить издательский коллектив, занимавшийся организацией и осуществлением этого проекта. Благодаря профессионализму, оперативности и добросердечному отношению всех работников издательства Academic Studies Press, публикация перевода этой книги была подготовлена в максимально короткий срок. Разумеется, ответственность за все оставшиеся недочеты лежит

на авторе.

Часть первая

Как сделан «Нос» Гоголя

Николай Гоголь

Нос²

I

1. Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие. Цирюльник Иван Яковлевич, живущий на Вознесенском проспекте (фамилия его утрачена, и даже на вывеске его – где изображен господин с намыленной щекою и надписью: «И кровь отворяют» – не выставлено ничего более), цирюльник Иван Яковлевич проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба. Приподнявшись немного на кровати, он увидел, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофий, вынимала из печи только что испеченные хлебы.

² Текст повести «Нос» приводится по изданию: Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. С. 47–76. Далее цитаты из повести даются по этому изданию с указанием страниц в скобках. Цитаты из других произведений Гоголя приводятся по этому изданию с указанием тома и страниц в квадратных скобках.

2. – Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофию, – сказал Иван Яковлевич, – а вместо того хочется мне съесть горячего хлебца с луком.

3. (То есть Иван Яковлевич хотел бы и того и другого, но знал, что было совершенно невозможно требовать двух вещей разом, ибо Прасковья Осиповна очень не любила таких прихотей.) «Пусть дурак ест хлеб; мне же лучше, – подумала про себя супруга, – останется кофию лишняя порция». И бросила один хлеб на стол.

4. Иван Яковлевич для приличия надел сверх рубашки фрак и, усевшись перед столом, насыпал соль, приготовил две головки луку, взял в руки нож и, сделавши значительную мину, принялся резать хлеб. Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и, к удивлению своему, увидел что-то белевшееся. Иван Яковлевич ковырнул осторожно ножом и пощупал пальцем. «Плотное! – сказал он сам про себя, – что бы это такое было?»

5. Он засунул пальцы и вытащил – нос!.. Иван Яковлевич и руки опустил; стал протирать глаза и щупать: нос, точно нос! и еще, казалось, как будто чей-то знакомый. Ужас изобразился в лице Ивана Яковлевича. Но этот ужас был ничто против негодования, которое овладело его супругою.

6. – Где это ты, зверь, отрезал нос? – закричала она с гневом. – Мошенник! пьяница! Я сама на тебя донесу полиции. Разбойник какой! Вот уж я от трех человек слышала, что ты во время бритья так теребишь за носы, что еле держатся.

7. Но Иван Яковлевич был ни жив ни мертв. Он узнал, что этот нос был не чей другой, как коллежского асессора Ковалева, которого он брил каждую среду и воскресенье.

8. – Стой, Прасковья Осиповна! Я положу его, завернувши в тряпку, в уголок; пусть там маленечко полежит, а после его вынесу.

9. – И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу?.. Сухарь поджаристый! Знай умеет только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвечать полиции?.. Ах ты, пачкун, бревно глупое! Вон его! вон! неси куда хочешь! чтобы я духу его не слыхала!

10. Иван Яковлевич стоял совершенно как убитый. Он думал, думал – и не знал, что подумать.

11. – Черт его знает, как это сделалось, – сказал он наконец, почесав рукою за ухом. – Пьян ли я вчера возвратился или нет, уж наверное сказать не могу. А по всем приметам должно быть происшествие несбыточное: ибо хлеб – дело печеное, а нос совсем не то. Ничего не разберу!..

12. Иван Яковлевич замолчал. Мысль о том, что полицейские отыщут у него нос и обвинят его, привела его в совершенное беспамятство. Уже ему мерещился алый воротник, красиво вышитый серебром, шпага... и он дрожал всем телом. Наконец достал он свое исподнее платье и сапоги, натащил на себя всю эту дрянь и, сопровождаемый нелегкими

увещаниями Прасковьи Осиповны, завернул нос в тряпку и вышел на улицу.

13. Он хотел его куда-нибудь подсунуть: или в тумбу под воротами, или так как-нибудь нечаянно выронить, да и повернуть в переулок. Но, на беду, ему попался какой-нибудь знакомый человек, который начинал тотчас запросом: «Куда идешь?», или: «Кого так рано собрался брить?» – так что Иван Яковлевич никак не мог улучшить минуты. В другой раз он уже совсем уронил его, но будочник еще издали указал ему алебардою, примолвив: «Подыми! вон ты что-то уронил!» И Иван Яковлевич должен был поднять нос и спрятать его в карман. Отчаяние овладело им, тем более что народ беспрестанно умножался на улице, по мере того так начали отпираться магазины и лавочки.

14. Он решился идти к Исакиевскому мосту: не удастся ли как-нибудь швырнуть его в Неву?.. Но я несколько виноват, что до сих пор не сказал ничего об Иване Яковлевиче, человеку почтенном во многих отношениях.

15. Иван Яковлевич, как всякий порядочный русский мастерской, был пьяница страшный. И хотя каждый день брил чужие подбородки, но его собственный был у него вечно небрит. Фрак у Ивана Яковлевича (Иван Яковлевич никогда не ходил в сюртуке) был пегий; то есть он был черный, но весь в коричнево-желтых и серых яблоках; воротник лоснился, а вместо трех пуговиц висели одни только ниточки. Иван Яковлевич был большой циник, и когда коллежский асессор

Ковалев обыкновенно говорил ему во время бритья: «У тебя, Иван Яковлевич, вечно воняют руки!» – то Иван Яковлевич отвечал на это вопросом: «Отчего ж бы им вонять?» – «Не знаю, братец, только воняют», – говорил коллежский асессор, и Иван Яковлевич, понюхавши табаку, мылил ему за это и на щеке, и под носом, и за ухом, и под бородою – одним словом, где только ему была охота.

16. Этот почтенный гражданин находился уже на Исакиевском мосту. Он прежде всего осмотрелся; потом нагнулся на перила, будто бы посмотреть под мост: много ли рыбы бегаёт, и швырнул потихоньку тряпку с носом. Он почувствовал, как будто бы с него разом свалилось десять пуд; Иван Яковлевич даже усмехнулся. Вместо того чтобы идти брить чиновничьи подбородки, он отправился в заведение с надписью «Кушанье и чай» спросить стакан пуншу, как вдруг заметил в конце моста квартального надзирателя благородной наружности, с широкими бакенбардами, в треугольной шляпе, со шпагою. Он обмер; а между тем квартальный кивал ему пальцем и говорил:

17. – А подойди сюда, любезный!

18. Иван Яковлевич, зная форму, снял издали еще картуз и, подошедши проворно, сказал:

19. – Желаю здравия вашему благородию!

20. – Нет, нет, братец, не благородию; скажи-ка, что ты там делал, стоя на мосту?

21. – Ей-Богу, сударь, ходил брить, да посмотрел только,

шибко ли река идет.

22. – Врешь, врешь! Этим не отделаешься. Изволь-ка отвечать!

23. – Я вашу милость два раза в неделю, или даже три, готов брить без всякого прекословия, – отвечал Иван Яковлевич.

24. – Нет, приятель, это пустяки! Меня три цирюльника бреют, да еще и за большую честь почитают. А вот изволь-ка рассказать, что ты там делал?

25. Иван Яковлевич побледнел... Но здесь происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, решительно ничего не известно.

II

26. Коллежский ассессор Ковалев проснулся довольно рано и сделал губами: «брр...» – что всегда он делал, когда просыпался, хотя сам не мог растолковать, по какой причине. Ковалев потянулся, приказал себе подать небольшое стоявшее на столе зеркало. Он хотел взглянуть на прыщик, который вчерашнего вечера вскочил у него на носу; но, к величайшему изумлению, увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место! Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза: точно, нет носа! Он начал щупать рукою, чтобы узнать: не спит ли он? кажется, не спит. Коллежский ассессор Ковалев вскочил с кровати, встряхнул-

ся: нет носа!.. Он велел тотчас подать себе одеться и полетел прямо к обер-полицмейстеру.

27. Но между тем необходимо сказать что-нибудь о Ковалеве, чтобы читатель мог видеть, какого рода был этот коллежский асессор. Коллежских асессоров, которые получают это звание с помощью ученых аттестатов, никак нельзя сравнивать с теми коллежскими асессорами, которые делались на Кавказе. Это два совершенно особенные рода. Ученые коллежские асессоры... Но Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет. То же разумеи и о всех званиях и чинах. Ковалев был кавказский коллежский асессор. Он два года только еще состоял в этом звании и потому ни на минуту не мог его позабыть; а чтобы более придать себе благородства и веса, он никогда не называл себя коллежским асессором, но всегда майором. «Послушай, голубушка, – говорил он обыкновенно, встретивши на улице бабу, продававшую манишки, – ты приходи ко мне на дом; квартира моя в Садовой; спроси только: здесь ли живет майор Ковалев? – тебе всякий покажет». Если же встречал какую-нибудь смазливенькую, то давал ей сверх того секретное приказание, прибавляя: «Ты спроси, душенька, квартиру майора Ковалева». По этому-то самому и мы будем вперед этого коллежского асессора называть майором.

28. Майор Ковалев имел обыкновение каждый день про-

хаживаться по Невскому проспекту. Воротничок его манишки был всегда чрезвычайно чист и накрахмален. Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть у губернских и уездных землемеров, у архитекторов и полковых докторов, также у отправляющих разные полицейские обязанности и вообще у всех тех мужей, которые имеют полные, румяные щеки и очень хорошо играют в бостон: эти бакенбарды идут по самой середине щеки и прямехонько доходят до носа. Майор Ковалев носил множество печаток сердоликовых и с гербами, и таких, на которых было вырезано: середя, четверг, понедельник и проч. Майор Ковалев приехал в Петербург по надобности, а именно искать приличного своему званию места: если удастся, то вице-губернаторского, а не то – экзекуторского в каком-нибудь видном департаменте. Майор Ковалев был не прочь и жениться, но только в таком случае, когда за невестою случится двести тысяч капитала. И потому читатель теперь может судить сам, как было положение этого майора, когда он увидел вместо довольно недурного и умеренного носа преглупое, ровное и гладкое место.

29. Как на беду, ни один извозчик не показывался на улице, и он должен был идти пешком, закутавшись в свой плащ и закрывши платком лицо, показывая вид, как будто у него шла кровь. «Но авось-либо мне так представилось: не может быть, чтобы нос пропал сдуру», – подумал он и зашел в кондитерскую нарочно с тем, чтобы посмотретья в зеркало. К

счастью, в кондитерской никого не было; мальчишки мели комнаты и расставляли стулья; некоторые с сонными глазами выносили на подносах горячие пирожки; на столах и стульях валялись залитые кофеем вчерашние газеты. «Ну, слава Богу, никого нет, – произнес он, – теперь можно поглядеть». Он робко подошел к зеркалу и взглянул. «Черт знает что, какая дрянь! – произнес он, плюнувши. – Хотя бы уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего!...»

30. С досадою закусив губы, вышел он из кондитерской и решился, против своего обыкновения, не глядеть ни на кого и никому не улыбаться. Вдруг он стал как вкопанный у дверей одного дома; в глазах его произошло явление неизъяснимое: перед подъездом остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире и побежал вверх по лестнице. Каков же был ужас и вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что это был собственный его нос! При этом необыкновенном зрелище, казалось ему, все переверотилось у него в глазах; он чувствовал, что едва мог стоять; но решился во что бы то ни стало ожидать его возвращения в карету, весь дрожа, как в лихорадке. Через две минуты нос действительно вышел. Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника. По всему заметно было, что он ехал куда-нибудь с визитом. Он поглядел на обе стороны, закричал кучеру:

«Подавай!» – сел и уехал.

31. Бедный Ковалев чуть не сошел с ума. Он не знал, как и подумать о таком странном происшествии. Как же можно, в самом деле, чтобы нос, который еще вчера был у него на лице, не мог ездить и ходить, – был в мундире! Он побежал за каретою, которая, к счастью, проехала недалеко и остановилась перед Казанским собором.

32. Он поспешил в собор, пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями для глаз, над которыми он прежде так смеялся, и вошел в церковь. Молельщиков внутри церкви было немного; они все стояли только при входе в двери. Ковалев чувствовал себя в таком расстроенном состоянии, что никак не в силах был молиться, и искал глазами этого господина по всем углам. Наконец увидел его стоявшего в стороне. Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился.

33. «Как подойти к нему? – думал Ковалев. – По всему, по мундиру, по шляпе видно, что он статский советник. Черт его знает, как это сделать!»

34. Он начал около него покашливать; но нос ни на минуту не оставлял набожного своего положения и отвешивал поклоны.

35. – Милостивый государь... – сказал Ковалев, внутренне принуждая себя ободриться, – милостивый государь...

36. – Что вам угодно? – отвечал нос, оборотившись.

37. – Мне странно, милостивый государь... мне кажется... вы должны знать свое место. И вдруг я вас нахожу, и где же? – в церкви. Согласитесь...

38. – Извините меня, я не могу взять в толк, о чем вы изволите говорить... Объяснитесь...

39. «Как мне ему объяснить?» – подумал Ковалев и, собравшись с духом, начал:

40. – Конечно, я... впрочем, я майор. Мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа; но, имея в виду получить... притом будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтарева, статская советница, и другие... Вы посудите сами... я не знаю, милостивый государь. (При этом майор Ковалев пожал плечами.) Извините... если на это смотреть сообразно с правилами долга и чести... вы сами можете понять...

41. – Ничего решительно не понимаю, – отвечал нос. – Изъяснитесь удовлетворительнее.

42. – Милостивый государь... – сказал Ковалев с чувством собственного достоинства, – я не знаю, как понимать слова ваши... Здесь все дело, кажется, совершенно очевидно... Или вы хотите... Ведь вы мой собственный нос!

43. Нос посмотрел на майора, и брови его несколько нахмурились.

44. – Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных от-

ношений. Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить по другому ведомству.

45. Сказавши это, нос отвернулся и продолжал молиться.

46. Ковалев совершенно смешался, не зная, что делать и что даже подумать. В это время послышался приятный шум дамского платья; подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и с нею тоненькая, в белом платье, очень мило рисовавшемся на ее стройной талии, в палевой шляпке, легкой, как пирожное. За ними остановился и открыл табакерку высокий гайдук с большими бакенбардами и целой дюжиной воротников.

47. Ковалев подступил поближе, высунул батистовый воротничок манишки, поправил висевшие на золотой цепочке свои печатки и, улыбаясь по сторонам, обратил внимание на легонькую даму, которая, как весенний цветочек, слегка наклонялась и подносила ко лбу свою беленькую ручку с полупрозрачными пальцами. Улыбка на лице Ковалева раздвинулась еще далее, когда он увидел из-под шляпки ее кругленький, яркой белизны подбородок и часть щеки, осененной цветом первой весенней розы. Но вдруг он отскочил, как будто бы обжегшись. Он вспомнил, что у него вместо носа совершенно нет ничего, и слезы выдавились из глаз его. Он оборотился с тем, чтобы напрямик сказать господину в мундире, что он только прикинулся статским советником, что он плут и подлец и что он больше ничего, как только его собственный нос... Но носа уже не было; он успел ускакать, ве-

роятно опять к кому-нибудь с визитом.

48. Это повергло Ковалева в отчаяние. Он пошел назад и остановился с минуту под колоннадою, тщательно смотря во все стороны, не попадется ли где нос. Он очень хорошо помнил, что шляпа на нем была с плюмажем и мундир с золотым шитьем; но шинель не заметил, ни цвета его кареты, ни лошадей, ни даже того, был ли у него сзади какой-нибудь лакей и в какой ливрее. Притом карет неслось такое множество взад и вперед и с такою быстротою, что трудно было даже приметить; но если бы и приметил он какую-нибудь из них, то не имел бы никаких средств остановить. День был прекрасный и солнечный. На Невском народу была тьма; дам целый цветочный водопад сыпался по всему тротуару, начиная от Полицейского до Аничкина моста. Вон и знакомый ему надворный советник идет, которого он называл подполковником, особливо ежели то случалось при посторонних. Вон и Ярыгин, столоначальник в сенате, большой приятель, который вечно в бостоне обремизивался, когда играл восемь. Вон и другой майор, получивший на Кавказе ассессорство, махает рукой, чтобы шел к нему...

49. – А, черт возьми! – сказал Ковалев. – Эй, извозчик, вези прямо к обер-полицмейстеру!

50. Ковалев сел в дрожки и только покрикивал извозчику: «Валяй во всю ивановскую!»

51. – У себя обер-полицмейстер? – вскричал он, зашедши в сени.

52. – Никак нет, – отвечал привратник, – только что уехал.

53. — Вот тебе раз!

54. – Да, – прибавил привратник, – оно и не так давно, но уехал. Минуточкой бы пришли раньше, то, может, застали бы дома.

55. Ковалев, не отнимая платка от лица, сел на извозчика и закричал отчаянным голосом:

56. – Пошел!

57. – Куда? – сказал извозчик.

58. – Пошел прямо!

59. – Как прямо? тут поворот: направо или налево?

60. Этот вопрос остановил Ковалева и заставил его опять подумать. В его положении следовало ему прежде всего отнестись в Управу благочиния, не потому, что оно имело прямое отношение к полиции, но потому, что ее распоряжения могли быть гораздо быстрее, чем в других местах; искать же удовлетворения по начальству того места, при котором нос объявил себя служащим, было бы безрассудно, потому что из собственных ответов носа уже можно было видеть, что для этого человека ничего не было священного и он мог так же солгать и в этом случае, как солгал, уверяя, что он никогда не видался с ним. Итак, Ковалев уже хотел было приказать ехать в Управу благочиния, как опять пришла мысль ему, что этот плут и мошенник, который поступил уже при первой встрече таким бессовестным образом, мог опять удобно, пользуясь временем, как-нибудь улизнуть из города, – и то-

гда все искания будут тщетны или могут продолжиться, чего Боже сохрани, на целый месяц. Наконец, казалось, само Небо вразумило его. Он решился отнестись прямо в газетную экспедицию и заблаговременно сделать публикацию с обстоятельным описанием всех качеств, дабы всякий, встретивший его, мог в ту же минуту его представить к нему или, по крайней мере, дать знать о месте пребывания. Итак, он, решив на этом, велел извозчику ехать в газетную экспедицию и во всю дорогу не переставал его тужить кулаком в спину, приговаривая: «Скорей, подлец! скорей, мошенник!» – «Эх, барин!» – говорил извозчик, потряхивая головой и стегая вожжой свою лошадь, на которой шерсть была длинная, как на болонке. Дрожки наконец остановились, и Ковалев, запыхавшись, вбежал в небольшую приемную комнату, где седой чиновник, в старом фраке и очках, сидел за столом и, взявши в зубы перо, считал принесенные медные деньги.

61. – Кто здесь принимает объявления? – закричал Ковалев. – А, здравствуйте!

62. – Мое почтение, – сказал седой чиновник, поднявши на минуту глаза и опустивши их снова на разложенные кучи денег.

63. – Я желаю припечатать...

64. – Позвольте. Прошу немножко повременить, – произнес чиновник, ставя одною рукою цифру на бумаге и передвигая пальцами левой руки два очка на счетах.

65. Лакей с галунами и наружностью, показывавшею пре-

бывание его в аристократическом доме, стоял возле стола, с запискою в руках, и почел приличным показать свою общезнательность:

66. – Поверите ли, сударь, что собачонка не стоит восьми гривен, то есть я не дал бы за нее и восьми грошей; а графиня любит, ей-Богу, любит, – и вот тому, кто ее отыщет, сто рублей! Если сказать по приличию, то вот так, как мы теперь с вами, вкусы людей совсем не совместны: уж когда охотник, то держи легавую собаку или пуделя; не пожалей пятисот, тысячу дай, но зато уж чтоб была собака хорошая.

67. Почтенный чиновник слушал это с значительною миною и в то же время занимался сметою: сколько букв в принесенной записке. По сторонам стояло множество старух, купеческих сидельцев и дворников с записками. В одной значилось, что отпускается в услужение кучер трезвого поведения; в другой – малоподержанная коляска, вывезенная в 1814 году из Парижа; там отпускалась дворовая девка девятнадцати лет, упражнявшаяся в прачечном деле, годная и для других работ; прочные дрожки без одной рессоры; молодая горячая лошадь в серых яблоках, семнадцати лет от роду; новые, полученные из Лондона, семена репы и редиса; дача со всеми угодами: двумя стойлами для лошадей и местом, на котором можно развести превосходный березовый или еловый сад; там же находился вызов желающих купить старые подошвы, с приглашением явиться к переторжке каждый день от восьми до трех часов утра. Комната, в ко-

торой местилось все это общество, была маленькая, и воздух в ней был чрезвычайно густ; но коллежский асессор Ковалев не мог слышать запаха, потому что закрылся платком и потому что самый нос его находился Бог знает в каких местах.

68. – Милостивый государь, позвольте вас попросить... Мне очень нужно, – сказал он наконец с нетерпением.

69. – Сейчас, сейчас! Два рубля сорок три копейки! Сию минуту! Рубль шестьдесят четыре копейки! – говорил седовласый господин, бросая старухам и дворникам записки в глаза. – Вам что угодно? – наконец сказал он, обратившись к Ковалеву.

70. – Я прошу... – сказал Ковалев, – случилось мошенничество или плутовство, я до сих пор не могу никак узнать. Я прошу только припечатать, что тот, кто ко мне этого подлеца представит, получит достаточное вознаграждение.

71. – Позвольте узнать, как ваша фамилия?

72. – Нет, зачем же фамилию? Мне нельзя сказать ее. У меня много знакомых: Чехтарева, статская советница, Палагея Григорьевна Подточина, штаб-офицерша... Вдруг узнают, Боже сохрани! Вы можете просто написать: коллежский асессор, или, еще лучше, состоящий в майорском чине.

73. – А сбежавший был ваш дворовый человек?

74. – Какое дворовый человек? Это бы еще не такое большое мошенничество! Сбежал от меня... нос...

75. – Гм! какая странная фамилия! И на большую сумму этот господин Носов обокрал вас?

76. – Нос то есть... вы не то думаете! Нос, мой собственный нос пропал неизвестно куда. Черт хотел подшутить надо мною!

77. – Да каким же образом пропал? Я что-то не могу хорошенько понять.

78. – Да я не могу вам сказать, каким образом; но главное то, что он разъезжает теперь по городу и называет себя статским советником. И потому я вас прошу объявить, чтобы поймавший представил его немедленно ко мне в самом скорейшем времени. Вы посудите, в самом деле, как же мне быть без такой заметной части тела? Это не то, что какой-нибудь мизинный палец на ноге, которую я в сапог – и никто не увидит, если его нет. Я бываю по четвергам у статской советницы Чехtareвой; Подточина Палагея Григорьевна, штаб-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хорошие знакомые, и вы посудите сами, как же мне теперь... Мне теперь к ним нельзя явиться.

79. Чиновник задумался, что означали крепко сжавшиеся его губы.

80. – Нет, я не могу поместить такого объявления в газетах, – сказал он наконец после долгого молчания.

81. —Как? отчего?

82. – Так. Газета может потерять репутацию. Если всякий начнет писать, что у него сбежал нос, то... И так уже говорят, что печатается много несообразностей и ложных слухов.

83. – Да чем же это дело несообразное? Тут, кажется, ни-

чего нет такого.

84. – Это вам так кажется, что нет. А вот на прошлой неделе такой же был случай. Пришел чиновник таким же образом, как вы теперь пришли, принес записку, денег по расчету пришлось два рубля семьдесят три копейки, и все объявление состояло в том, что сбежал пудель черной шерсти. Кажется, что бы тут такое? А вышел пасквиль: пудель-то этот был казначей, не помню какого-то заведения.

85. – Да ведь я вам не о пуделе делаю объявление, а о собственном моем носе: стало быть, почти то же, что о самом себе.

86. – Нет, такого объявления я никак не могу поместить.

87. – Да когда у меня точно пропал нос!

88. – Если пропал, то это дело медика. Говорят, что есть такие люди, которые могут приставить какой угодно нос. Но, впрочем, я замечаю, что вы должны быть человек веселого нрава и любите в обществе пошутить.

89. – Клянусь вам, вот как Бог свят! Пожалуй, уж если до того дошло, то я покажу вам.

90. – Зачем беспокоиться! – продолжал чиновник, нюхая табак. – Впрочем, если не в беспокойство, – прибавил он с движением любопытства, – то желательно бы взглянуть.

91. Коллежский ассессор отнял от лица платок.

92. – В самом деле, чрезвычайно странно! – сказал чиновник, – место совершенно гладкое, как будто бы только что выпеченный блин. Да, до невероятности ровное!

93. – Ну, вы и теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. Я вам буду особенно благодарен; и очень рад, что этот случай доставил мне удовольствие с вами познакомиться...

94. Майор, как видно из этого, решился на сей раз немного поподличать.

95. – Напечатать-то, конечно, дело небольшое, – сказал чиновник, – только я не предвижу в этом никакой для вас выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имеет искусное перо, описать это как редкое произведение природы и напечатать эту статейку в «Северной пчеле» (тут он понюхал еще раз табак) для пользы юношества (тут он утер нос) или так, для общего любопытства.

96. Коллежский ассессор был совершенно обезнадежен. Он опустил глаза в низ газеты, где было извещение о спектаклях; уже лицо его было готово улыбнуться, встретив имя актрисы, хорошенькой собою, и рука взялась за карман: есть ли при нем синяя ассигнация, потому что штаб-офицеры, по мнению Ковалева, должны сидеть в креслах, – но мысль о носе все испортила!

97. Сам чиновник, казалось, был тронут затруднительным положением Ковалева. Желая сколько-нибудь облегчить его горесть, он почел приличным выразить участие свое в нескольких словах:

98. – Мне, право, очень прискорбно, что с вами случился такой анекдот. Не угодно ли вам понюхать табачку? это

разбивает головные боли и печальные расположения; даже в отношении к геморроидам это хорошо.

99. Говоря это, чиновник поднес Ковалеву табакерку, довольно ловко повернув под нее крышку с портретом какой-то дамы в шляпке.

100. Этот неумышленный поступок вывел из терпения Ковалева.

101. – Я не понимаю, как вы находите место шуткам, – сказал он с сердцем, – разве вы не видите, что у меня именно нет того, чем бы я мог понюхать? Чтоб черт побрал ваш табак! Я теперь не могу смотреть на него, и не только на скверный ваш березинский, но хоть бы вы поднесли мне самого рапе.

102. Сказавши это, он вышел, глубоко раздосадованный, из газетной экспедиции и отправился к частному приставу, чрезвычайному охотнику до сахара. На дому его вся передняя, она же и столовая, была установлена сахарными головами, которые нанесли к нему из дружбы купцы. Кухарка в это время скидала с частного пристава казенные ботфорты; шпага и все военные доспехи уже мирно развесились по углам, и грозную треугольную шляпу уже затрогивал трехлетний сынок его; и он, после боевой, бранной жизни готовился кусить удовольствия мира.

103. Ковалев вошел к нему в то время, когда он потянулся, крякнул и сказал: «Эх, славно засну два часика!» И потому можно было предвидеть, что приход коллежского асес-

сора был совершенно не вовремя; и не знаю, хотя бы он даже принес ему в то время несколько фунтов чаю или сукна, он бы не был принят слишком радушно. Частный был большой поощритель всех искусств и мануфактурностей, но государственную ассигнацию предпочитал всему. «Это вещь, – обыкновенно говорил он, – уж нет ничего лучше этой вещи: есть не просит, места займет немного, в кармане всегда поместится, уронишь – не расшибется».

104. Частный принял довольно сухо Ковалева и сказал, что после обеда не то время, чтобы производить следствие, что сама натура назначила, чтобы, наевшись, немного отдохнуть (из этого коллежский асессор мог видеть, что частному приставу были небезызвестны изречения древних мудрецов), что у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам.

105. То есть не в бровь, а прямо в глаз! Нужно заметить, что Ковалев был чрезвычайно обидчивый человек. Он мог простить все, что ни говорили о нем самом, но никак не извинял, если это относилось к чину или званию. Он даже полагал, что в театральных пьесах можно пропускать все, что относится к обер-офицерам, но на штаб-офицеров никак не должно нападать. Прием частного так его сконфузил, что он потряхнул головою и сказал с чувством достоинства, немного расставив свои руки: «Признаюсь, после таких обидных с

вашей стороны замечаний я ничего не могу прибавить...» – и вышел.

106. Он приехал домой, едва слыша под собою ноги. Были уже сумерки. Печальной или чрезвычайно гадкою показалась ему квартира после всех этих неудачных исканий. Вошедши в переднюю, увидел он на кожаном запачканном диване лакея своего Ивана, который, лежа на спине, плевал в потолок и попадал довольно удачно в одно и то же место. Такое равнодушие человека взбесило его; он ударил его шляпою по лбу, примолвив: «Ты, свинья, всегда глупостями занимаешься!»

107. Иван вскочил вдруг с своего места и бросился со всех ног снимать с него плащ.

108. Вошедший в свою комнату, майор, усталый и печальный, бросился в кресла и наконец после нескольких вздохов сказал:

109. – Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастье? Будь я без руки или без ноги – все бы это лучше; будь я без ушей – скверно, однако ж все сноснее; но без носа человек – черт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин, – просто возьми да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войне отрубили или на дуэли, или я сам был причиною; но ведь пропал ни за что ни про что, пропал даром, ни за грош!.. Только нет, не может быть, – прибавил он, немного подумав. – Невероятно, чтобы нос пропал; никаким образом невероятно. Это, верно, или во сне снится, или просто гре-

зится; может быть, я как-нибудь ошибкою выпил вместо воды водку, которою вытираю после бритья себе бороду. Иван, дурак, не принял, и я, верно, хватил ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.